

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Е. М. Кузюрина

Политическая эстетика в Польше (1948–1957 годы): историографический аспект

УДК 7.035

В статье ставится задача проанализировать формирование понятия «политическая эстетика» в польской, советско-русской и немецкой историографии. Сделан вывод о том, что это понятие достаточно широко, а потому в исследованиях неизбежны терминологические расхождения. Это обусловлено в первую очередь масштабами и способами практического использования эстетики в политике разных стран в условиях отсутствия демократии. В статье достаточно подробно рассмотрены особенности использования политической эстетики в Польше 1947–1956 гг. В польской историографии эта проблема изучена недостаточно, исследователи не выходят за пределы терминов, доминировавших в отмеченный период.

Ключевые слова: эстетика, политика, политическая эстетика, культура, искусство, недемократические режимы, идеология.

Kuziurina E. M. Political aesthetics in Poland (1948–1957): historiographic aspect

The main article's task is to analyze the formation of the term «political aesthetics» in German, Soviet — Russian and Polish historiography. It is concluded that this notion is wide, and therefore studies have inevitable terminological differences. This is primarily due to the scale and methods of practical using of aesthetics in politics of different countries, in the absence of democracy.

Features of political aesthetics' using in Poland 1947-1956 are considered in detail in article. This problem has been poorly studied in polish historiography, researchers did not go beyond the terms that dominated in the indicated period.

Key words: *aesthetics, politics, political aesthetics, culture, art, non-democratic regimes, ideology*

Изучение политической эстетики как целостного явления подтолкнули политические изменения в большинстве стран в XX веке, хотя сам феномен существовал задолго до его научного осмысления. На сегодняшний день можно отметить постоянное повышение интереса к этой теме в разных странах (см., напр. [23], [24], [34], [13]). В качестве источников представлены работы немецких, отечественных и польских исследователей. Количество исследований при этом различное: работ отечественных и польских авторов гораздо больше, но это отнюдь не связано со степенью ее осмысления. С точки зрения актуальности на первом месте оказывается немецкая научная традиция как наиболее концептуально разработанная. Здесь представлено последовательное изучение составляющих политической эстетики. Эта литература использована только в переводе.

Тема политической эстетики раньше всего возникает в философской работе В. Бенямина [1] и развивается в контексте искусства как пропаганды. Его работа была сначала опубликована в 1936 году во Франции, куда В. Бенямин эмигрировал из Германии из-за расовой непригодности и иных политических взглядов. В этот период В. Бенямин работал в Франкфуртском институте, где одной из тем исследования была критика тоталитаризма и авторитарной личности [8]. Работа В. Бенямина вписывается в общее русло разоблачения фашизма. При этом он описывает только конкретную историческую ситуацию первой половины 1930-х годов в Европе, связанную с приходом фашистов к власти и использованием ими искусства в политических целях.

Бенямин полагает, что война, в прославлении которой фашизм (и итальянский, и немецкий, поскольку в употреблении автора термин имеет собирательный характер) использовал эстетические параметры, стала высшей точкой соединения политики и эстетики. Прекрасными становились все атрибуты войны: оружие, танки, «металлизация» человеческого тела. Бенямин приводит в качестве аргумента высказы-

вание футуриста, одного из основателей итальянского фашизма Ф. Маринетти, в котором подчеркивается, что красота может быть только в борьбе [1]. В этом соединении эстетики и политики исследователь видит источник зла в современном мире. Самоотчуждение человечества, подводит итог В. Беньямин, достигло той степени, которая позволяет переживать свое собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга [1].

Согласно мнению Беньямина, развитие технических средств привело к тому, что эстетические категории стали политическим средством выражения классовой борьбы, а культура орудием пропаганды. В связи с этим возникает понятие «эстетизация политической жизни». Эстетизация для Беньямина — негативный процесс, который наиболее ярко выразился в потере произведением искусства «ауры» — уникального существования во времени и пространстве. Беньямин характеризует эстетизацию политики как насилие над массами с использованием искусства для создания культовых символов. Он полагал, что на эстетизацию политики фашизмом коммунизм отвечает политизацией искусства. Таким образом, фиксируется следующее: правые эстетизируют политику, а левые политизируют эстетику. Обе эти силы используют эстетику в политических целях, как способ выражения идеологии.

В работе Беньямина прослеживаются отголоски «доктрины тоталитаризма» — автор сопоставляет фашизм и коммунизм и находит их общие черты, а именно включение эстетики в политическую сферу.

В современной немецкой культурфилософии происходит дальнейшее рассмотрение вопроса через его составляющие.

Традиционно исследователи приводят примеры гитлеровской Германии, Советского Союза и Италии времен правления Муссолини, поскольку эти примеры XX века наиболее показательны в изучении политической эстетики.

Современный немецкий славист Х. Гюнтер анализирует представления о прекрасном и его функциях в тоталитарных культурах. «Красота» в первую очередь служит средством восполнения недостатков экономической, социальной и политической реальности, а не средством эстетического наслаждения. В качестве доказательства Х. Гюнтер приводит мнение итальянского историка Э. Джентиле, ко-

торый утверждал, что «массовые зрелища становились компенсацией за те лишения, которые претерпевали низшие классы общества», скрывая «трудности, которые испытывал режим, за фасадом, изображавшим порядок и эффективность» [3].

В тоталитарных обществах, считает Гюнтер, государство присваивает эстетическую функцию, превращая ее в фактор всеобъемлющей гармонизации общества. Эстетизация политики для Х. Гюнтера всегда является признаком значительных политических и общественных изменений. В отличие от Бенямина, он не противопоставляет недемократические режимы, отмечая, что в СССР эстетизация политики производилась иными методами и с другими целями, чем в фашистской Италии и нацистской Германии, но не менее интенсивно. Более того, автор полагает, что с начала 1930-х годов диктатуры в значительной мере начинают учиться друг у друга, подражать друг другу и становятся все более похожими. Это дает основания применять термин «эстетизация политики» не только в отношении Германии и Италии, но и по отношению к Советскому Союзу.

Гюнтер выделяет специфические формы, которые принимает эстетизация политики: театрализация, сакрализация, мифологизация, производство визуальной сверхреальности. Их общей чертой является изготовление общедоступных образов и сцен, которые направлены на подсознание. А способы их применения зависят от конкретных исторических обстоятельств и национальных традиций [3].

Автор включает сюда и идею создания «нового человека», поскольку особое значение приобретала эстетизация тела, полагая, что в результате эстетизации публичной жизни в складывавшихся тоталитарных государствах проступала новая политическая антропология, основанная на «потере разумом центральной роли» [3].

Немецкая исследовательница Н. Россол также рассматривает историю Германии, но нацистский период не выделяет. Она считает, что ритуалы, символы и празднества как средства конструирования и выражения идентичности применялись в Германии начиная от периода Веймарской республики, особый расцвет получив при Третьем рейхе. Основным параметром Россол считает общественное пространство и его трансформацию посредством зрелищ, шествий, спортивных мероприятий. С помощью данных форм, по мнению автора, создавалась

особая культурно-художественная форма государства [15]. В итоге исследовательница дает более широкое понимание политической эстетики как способа интерпретации политики и идеологии.

Взаимосвязь политики и эстетики в Советском Союзе почти сразу привела к возникновению специальных исследований в российской и советской философской и политологической мысли. Большевики, пришедшие к власти в 1917 году, решали вопрос о способах внедрения новой идеологии в массы, политическая эстетика в СССР изначально рассматривалась с точки зрения возможности ее практического использования.

Раньше всех писал об этом А. В. Луначарский¹, отмечая стремление В.И. Ленина использовать все виды искусства в целях пропаганды. Причем в скульптуре это даже имело свое название «монументальная пропаганда». Каждое открытие нового памятника, по мысли Луначарского, должно было стать маленьким праздником, но в реальности актом пропаганды. Позднее он вспоминал, что В. И. Ленин также подчеркивал значение надписей, кратких, но выразительных, содержащих наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма [10].

Подчеркивая значение, которое придавала власть искусству, Н. М. Куренная отмечает, что партийному руководству был необходим новый творческий метод, который смог бы обслуживать и пропагандировать его идеологические цели [9, с. 4]. Исследовательница особо отмечает работу А. В. Луначарского «Основы позитивной эстетики» (брошюра вышла в 1903 г. и без изменений была переиздана в 1923 г.), утверждая, что в ней берет свое начало теория социалистического реализма, поскольку в этой работе прозвучал призыв «рисовать сияющие счастьем и совершенством картины будущего» [9, с. 4]. Функциональность искусства выходила на первый план.

Началом использования политической эстетики советской властью принято считать декрет СНК от 12 апреля 1918 г., предусматривающий перекодирование общественного пространства при помощи

---

¹ Луначарский А. В. В период с 1917 по 1929 гг. занимал пост наркома просвещения, а после был назначен директором НИИ литературы. С 1929 по 1930 — председатель Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР.

ликвидации монументов царской России и создания взамен произведений революционного монументального искусства [4].

Советский историк В. П. Толстой, один из соавторов работы «Всеобщая история искусств», подчеркивает, что внимание уделялось и оформлению праздничных народных манифестаций — здесь основное значение придавалось объединению всех видов искусства: архитектуры и театра, музыки и живописи, скульптуры и пантомимы [18]. Большевистской властью проводилась своеобразная временная сакрализация пространства на время празднований.

Со временем этот метод в искусстве получил новое название — социалистический реализм, который помимо украшений, предусматривал и контроль над творчеством. Впервые словосочетание «социалистический реализм» появилось в передовой статье «Литературной газеты» от 23 мая 1932 г. В этом же году было дано его официальное определение, как наиболее правдивого метода описания действительности, в Уставе Союза писателей СССР. С этого момента термин, получив широкое распространение, бытовал без каких-либо изменений. Ориентация на коммунистическую идеологию делала термин пригодным для будущего использования в социалистических странах, в частности в Польше.

Первоначально изучение социалистического реализма было апологетическим, но в последние годы его существования стала проявляться критическая оценка. Искусственный характер создания термина, зависимость советского искусства от официальной идеологии впоследствии стали аспектами изучения проблемы в советской и российской историографии.

Советский философ и искусствовед А. А. Фарбштейн отмечал, что социалистическое искусство развивалось не стихийно, а являлось управляемым. В качестве доказательства автор приводит слова В. И. Ленина об обосновании права государства на вмешательство в культуру [19, с. 23]. Ленинские рассуждения автор цитирует без прежней веры в неопровержимость, оценивает их критически.

В современной российской историографии продолжается акцентирование внимания на активной роли коммунистической власти в конструировании нового типа официальной эстетики. К исследованию подключаются искусствоведы и филологи, поскольку социали-

стический реализм относился к ним прежде всего, они приводят новые аргументы.

Искусствовед И. С. Воробьев полагает, что идеи В. И. Ленина, но уже в плоскости выработки самостоятельных методологических предпосылок будущего тоталитарного искусства, в 1920-е годы успешно развивались деятелями большевистской партии [2]. Но в историографии, по его мнению, недостаточно внимания было уделено Л. Троцкому и Н. Бухарину как теоретикам официального искусства. Это связано с отрицательной оценкой их роли в истории советского государства. Автор приводит в качестве аргументов суждения Л. Троцкого и Н. Бухарина, дающие основания полагать, что именно они готовили почву для будущей терминологии. Кроме того, по мнению автора, именно Л. Троцкий и Н. Бухарин задолго до 1932 года обрисовывают контуры нового стиля: реализм, идейность, партийность [2]. И. С. Воробьев приходит к выводу, что взгляды этих политиков вполне соответствовали главному вектору государственной политики в сфере искусства в середине 1920-х годов. А искусство, таким образом, изначально неизбежно было подчинено идеологии [2].

Тему функциональности искусства исследует эмигрировавший из Советского Союза Е. Добренко, в настоящем специалист по советской и постсоветской литературе и культуре. Автор подчеркивает, что коммунистической партией эстетическое воспитание народа было возведено в ранг государственной политики. Главной функцией эстетики, по мнению исследователя, в советской культуре было не украшение, а производство реальности через ее эстетизацию [5, с. 26].

После распада Советского Союза происходит переосмысление феномена социалистического реализма. Появляется серия работ, посвященных необходимости изменения подхода к изучению социалистического реализма. В 1993 году состоялась конференция в Институте славяноведения и балканистики РАН, посвященная проблемам социалистического реализма.

В. А. Хорев отмечает, что в 70-е годы литературоведы, в частности и сам автор, боролись против господства агрессивнo-нормативного толкования социалистического реализма, за расширение его спектра и «открытую» концепцию. Автор констатирует, что ошибкой была попытка раздвинуть рамки системы,

не выходя из нее самой [21, с. 35]. Но на современном этапе, считает исследователь, происходит скорее не развенчание, а трезвое осмысление социалистического реализма. В. А. Хорев подчеркивает малое количество серьезных исследований соцреализма. В основном же сложилось представление о соцреализме только как сумме норм и требований, предъявляемых коммунистической идеологией к художнику [21, с. 35].

А. А. Ревякина выделяет несколько этапов в дискуссии о теории соцреализма, когда проявилась тенденция расширения понятия с 50-х годов XX века в литературоведении. В качестве критерия смены этапов она называет научные конференции. Коллективный способ изучения проблемы, в отличие от индивидуального, признается наиболее плодотворным. Кроме того, конец 90-х годов XX века отмечен появлением нескольких сборников, где были опубликованы проблемно-тематические статьи, материалы дискуссий, круглых столов, конференций (см., например, [7], [16]). Особенно Ревякина подчеркивает значение Всесоюзного совещания 1959 г. по вопросам социалистического реализма «Творческая практика и теоретическая мысль», где была сформулирована потребность преодоления догматических постулатов социалистического реализма [14].

Следующим шагом в дискуссии о социалистическом реализме стала проходившая в 1966 г. в Институте мировой литературы РАН конференция «Актуальные проблемы социалистического реализма», где выступил советский литературовед Г. Н. Пospelов. Ученый предложил различать социалистическую литературу (во всем ее своеобразии и многообразии) и социалистический реализм (господствующий в этой литературе принцип отражения). Сутью размышлений Пospelова было стремление преодолеть «догматическую схему», согласно которой вся советская литература — это социалистический реализм. По убеждению ученого, «социалистическая литература — это только одно, основное и ведущее течение в советской литературе» [14].

Одновременно действовала и старая, предельно идеологизированная схема — забота о «чистоте» партийной ориентации социалистического реализма. О чем свидетельствует большое количество публикаций на эту тему.

На этой волне противостояния двух точек зрения — традиционной и ревизионистской — в 1980-е годы возникла итоговая дискуссия о социалистическом реализме на страницах Литературной газеты 1988 г. К тому времени был окончательно утрачен авторитет уставного определения, которое ассоциировалось с догматизмом, некомпетентным руководством в сфере искусства, диктатом. И практически не осталось критиков, которые пользовались термином «социалистический реализм» в осмыслении текущего литературного процесса. Однако, подчеркивает Ревякина, всеохватывающее определение, если бы его удалось изобрести, означало бы полное размывание границ понятия [14].

Исследования социалистического реализма представлены и в Польше, где он был внедрен в 1948–1949 годах. Насаждение социалистического видения мира привело к негативному восприятию социалистического реализма в польской историографии и современниками, и современными учеными. В нашем распоряжении работы более позднего периода на языке оригинала, сохранившие основную оценку метода в искусстве как навязанной сверху идеологии.

В воспоминаниях польской писательницы М. Домбровской подчеркивается отрицательное отношение к советизации и русификации Польши. Домбровская подчеркивает, что «от немцев Польше грозила биологическая зависимость, а от Москвы — в сто раз страшнее — духовная и моральная». Кроме того, писательница указывала на ненависть, которая формировалась к России, какой не было за 150 лет царской России» (цит. по [12]).

Согласно мнению К. Кулиг-Янарк, сотрудницы Национального музея в Кракове, социалистический реализм стал, прежде всего, «иллюстрацией идеологической и политической агитации посредством художественного творчества» [28]. Польский историк Г. Врона подчеркивает первостепенную роль политического фактора в социалистическом реализме, когда искусство стало проводником социалистических идеалов [35, с. 24]. Авторы подчеркивают смешение политики и искусства, что означает возможность применения к Польше второй половины XX века термина «политическая эстетика».

Следует выделить отечественных авторов, работы которых посвящены исследовательской проблеме. В. А. Хорев, изучая соцре-

лизм в польской литературе, называет три подхода к его пониманию в Польше. При первом подходе упор делался на воспитательную роль социалистического реализма, где основными темами служили прославление партийных лидеров, рабочего класса. Второй подход — критический — представлял собой устоявшееся понимание социалистического реализма как средства уничтожения искусства. Третий оценивал соцреализм как многогранное явление: не только в качестве «ширмы для бездарных», но и как художественную систему [21, с. 33].

О. Р. Медведева останавливается на филологической стороне проблемы, уделяя внимание лексике в Польше. О. Р. Медведева замечает закономерность: едва ли не с момента появления термина «социалистический реализм» он стало употребляться, за исключением официальных документов, как «соцреализм». Такое сокращение вывело понятие из ряда «неприкосновенных» и в определенной степени снижало его [11, с. 37]. Поляками был изобретен термин для обозначения соцреалистического жанра производственного романа «produkcyjniak», который характеризовался невысокой художественной ценностью. Подобное экспериментирование с соцреалистической терминологией в СССР было недопустимо, считает Медведева [11, с. 37].

Польские исследователи интересуются конкретными аспектами: архитектура, праздники, плакатное искусство. Отсюда и узкотематический характер исследований. При отсутствии термина частные аспекты проблемы вполне соответствуют тем, которые разрабатывались в немецкой и советской историографии.

Наиболее ярким проявлением социалистического реализма на территории Польши стало пространство праздника. Именно тема официальных коммунистических праздников является одной из значительных в Польше. Эта тема представлена как в публицистике (см., например, [25], [26], [27], [29], [31]), так и разрабатывается историками в историографии. Статьи появились относительно тех дат, которые признаны в международном плане, но прочно ассоциируются у поляков с коммунистическим прошлым. Особое внимание исследователи уделяют следующим праздникам: Национальный День Победы и Свободы 9 мая, в отличие от Западной Европы, где день окончания Второй мировой войны празднуется 8 мая; День Труда 1 мая; Национальный фестиваль польского возрождения 22 июля, установленный в

честь подписания Манифеста Польского комитета национального освобождения (ПКНО) в 1944 г., содержащий программу строительства народно-демократической Польши; женский день 8 марта. Сценарии проведения праздников входят в сферу интересов современных польских исследователей. Достаточно подробно тема разрабатывается историками Г. Вроной [35], П. Осенкой [33] и К. Навроцки [32].

Мероприятия, по мнению Г. Вроны, были настоящим праздником пропаганды — проявлением сил коммунистического режима. Все мероприятия, подчеркивает исследователь, можно считать осторожно организованным шоу, при помощи которого власти осуществляли тотальный контроль, а Польша тем самым становилась настоящим «государством пропаганды». О том значении, которое придавалось пропаганде, свидетельствовало учреждение особых институтов, таких как Отдел пропаганды и Министерство пропаганды и информации [35, s. 64]. Врона подчеркивает идеологическое значение парадов, маршей, песен. По мнению автора, несмотря на энергичные усилия, энтузиазм был искусственным, а «режиссер ритуала» вызвал недовольство среди граждан, большинство из которых были лишь пассивными актерами коммунистического спектакля [35, s. 65].

К. Навроцки подчеркивает, что в празднованиях принимали участие все самые важные сановники государства. Для презентации и саморекламы власти использовались различные средства. Центральным пунктом всех торжеств была «трибуна чести», народно-рабочим акцентом которой становилось приглашение на нее «обычных» людей. Критерием служило, считает исследователь, членство в коммунистической партии и тесное сотрудничество с ней [33].

Большую роль в структуре праздников играли плакаты, целью которых было формирование второй реальности для людей. Достаточно подробный анализ тематики плакатов представлен в работе Вроны, чего нет в иных исследованиях. Среди основных сюжетов он выделяет изображения лидеров, коммунистической партии, антивоенную пропаганду, популярную после Второй мировой войны, возрождение Польши. На плакатах активно использовались советские клише: «Партия — наш рулевой», «Под линией Коммунистической партии к дальнейшим победам».

Поскольку соцреализм в ПНР охватил небольшой по длительности период времени с 1948 по 1957 [11, с. 37], в архитектуре не так много его примеров. Среди основных можно выделить Дворец науки и культуры в Варшаве, возведенный по распоряжению И. В. Сталина, и пролетарский район в Кракове — Новая Гута. Несмотря на то что строительство Дворца вызывает многочисленные споры и на сегодняшний день, в историко-культурных и искусствоведческих исследованиях подробного внимания ему не уделено. Споры и мнения представлены в основном в публицистике. В частности, журналист Э. Лемп отмечает благосклонное принятие подарка польской властью: на первой полосе газеты «Жизнь Варшавы» («*Życie Warszawy*») в день открытия Дворца была помещена фотография здания с подписью: «Спасибо вам, Товарищи!» Для поляков, по мнению польского руководства, Дворец стал плодом дружбы (цит. по [29]). Выступавший на торжественном открытии Б. Берут, первый секретарь Польской объединенной рабочей партии, подчеркивал, что Дворец культуры — это в первую очередь «символ могучей силы пролетарского интернационализма». Кроме того, Берут отмечал, что «весь польский народ обращается с самыми искренними чувствами дружбы и братства к советскому народу» (цит. по [29]). Особое значение Дворцу как атрибуту образцовой социалистической столицы, придавал тот факт, что в 1955 году после заключения Варшавского договора столица Польши обрела номинальный статус столицы восточного блока. На сегодняшний день доминирует негативная оценка строительства Дворца, который поляки восприняли как советское присутствие на польской территории, «символ польского порабощения советской империей» [27].

Другой пример соцреалистической архитектуры — район Новая Гута в Кракове, исследования которого присутствуют в историографии. Достаточно подробный анализ представлен в работе М. Стрельбицкой. Основной целью строительства, считает исследовательница, было стремление разбавить район Кракова, исторического и культурного центра страны, где всегда доминировала интеллигенция, представителями рабочего класса [17]. Но, кроме того, подчеркивалось значение металлургии. В обоих случаях

(строительство Дворца и Новой Гуты) было выражено стремление придать пространству новые характеристики.

Социалистический реализм приобрел в Польше национальные элементы, поэтому для польской социалистической архитектуры характерно смешение стилей, соответствующее идеологической формуле — «социалистический по содержанию» (государство рабочего класса) и «национальный по форме» (стилизация под аттики Суккениц (торговых рядов) в Кракове и городского рынка в Казимеже над Вислой, композиция ратуши [17]).

Учитывая высоту 42-этажного Дворца, которая составляет 167,68 метров, а вместе со шпилем — 230,68, масштаб нового промышленного района Кракова, очевидным становится стремление подчеркнуть мощь и силу государства. Социалистический реализм в архитектуре — не столь популярная тема исследований, причинами могут быть и небольшой временной отрезок господства социалистического метода, и стремление отказаться от коммунистического прошлого.

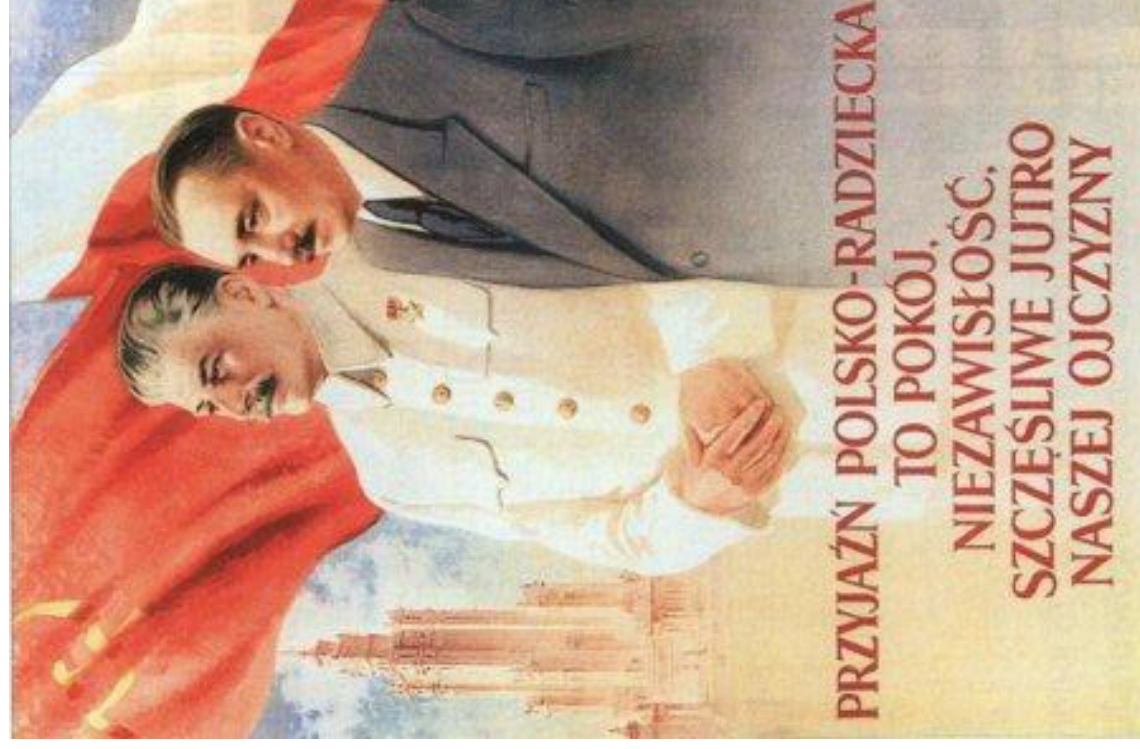
В современной российской историко-культурной и искусствоведческой мысли исследования термина «социалистический реализм» отходят на второй план. Появляются новые темы исследования в рамках политической эстетики. Особо выделяется работа основоположника российской кратологии В. Ф. Халипова — академика Академии политической науки, «Кратология как система наук о власти». Исследование представляет собой синтез знаний о власти из разных областей науки, в том числе и культурологии.

В. Ф. Халипов выделяет особый параметр — эстетика власти и характеризует его в двух направлениях. Во-первых, как проявление во властной практике величественного, достойного и прекрасного. А во-вторых, как совокупность знаний, относящихся к осмыслению проявлений категорий эстетики во властной практике [20, с. 289]. Автор констатирует здесь и относительную нераспространенность понятия «эстетика власти».

Однако эстетика власти выступает частным случаем политической эстетики. Критерием при этом становятся сами сущностные характеристики «политики» и «власти». Тем не менее впервые в литературе фиксируется постановка вопроса о политической эстетике как специальной дисциплине.

«Строители! создавайте и превышайте новые нормы!»

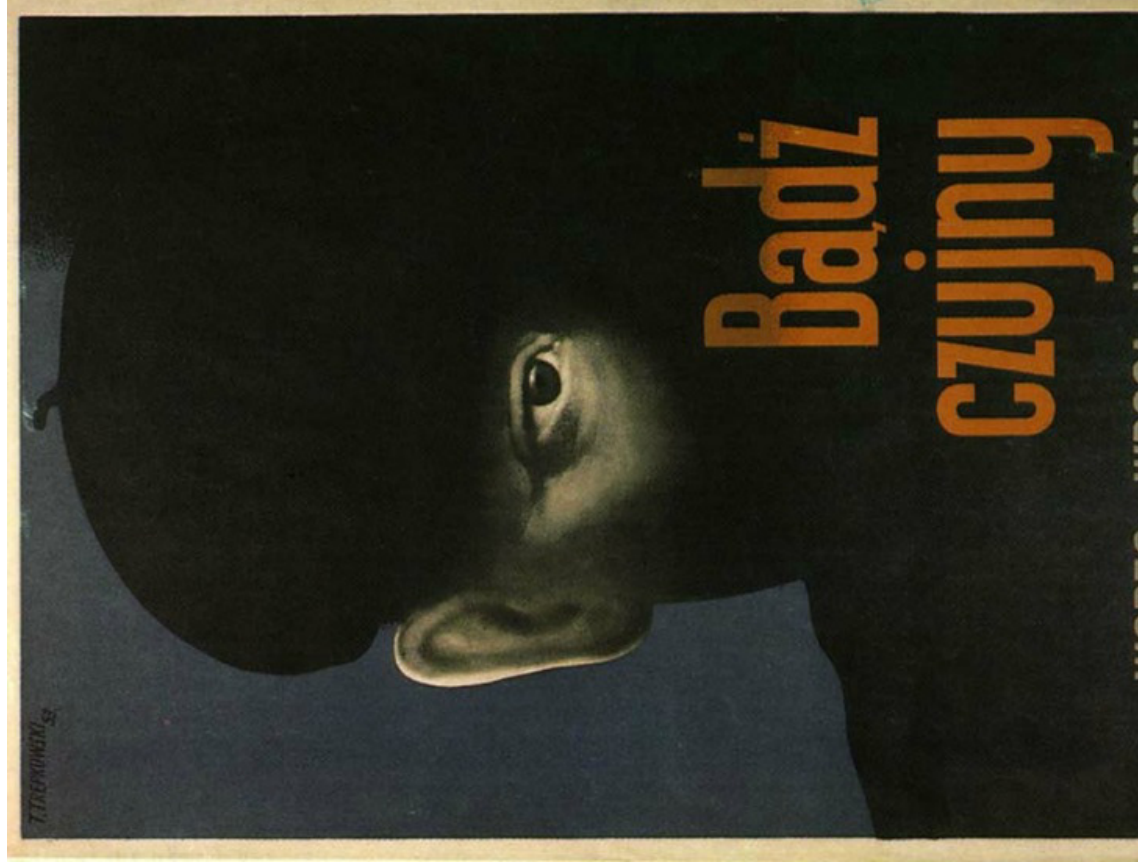

«Советско-польская дружба – это мир. Независимость. Счастливое завтра нашей Родины»

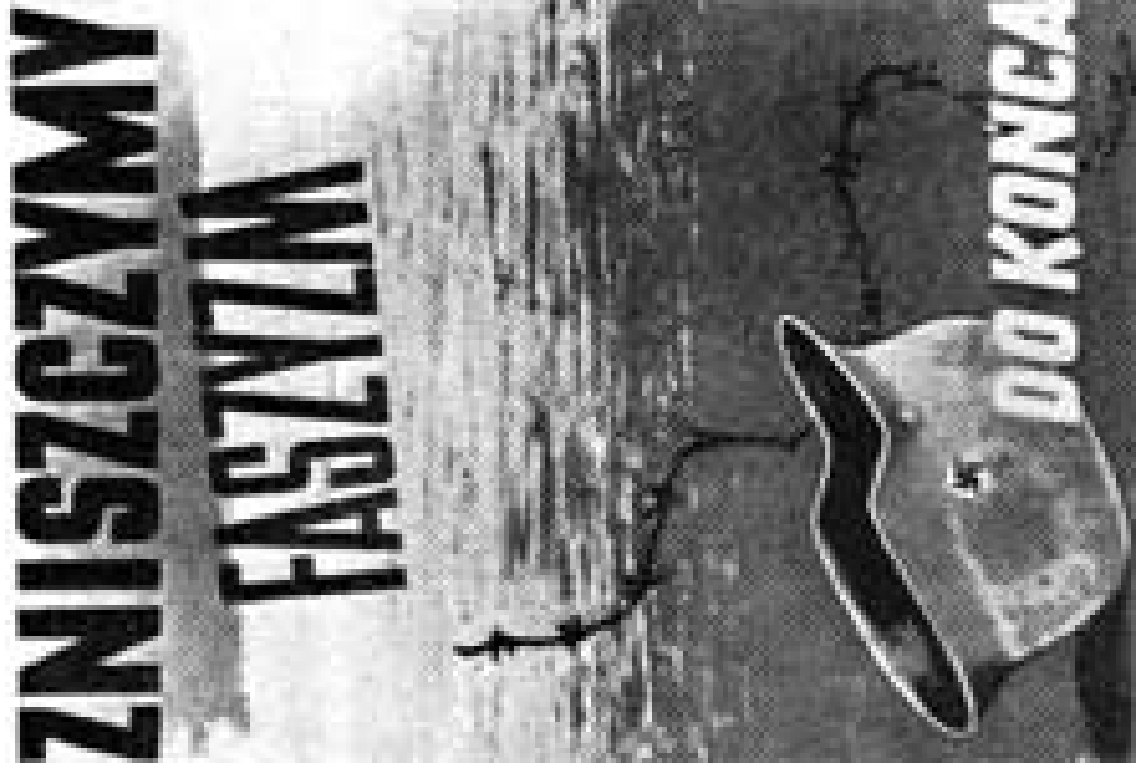

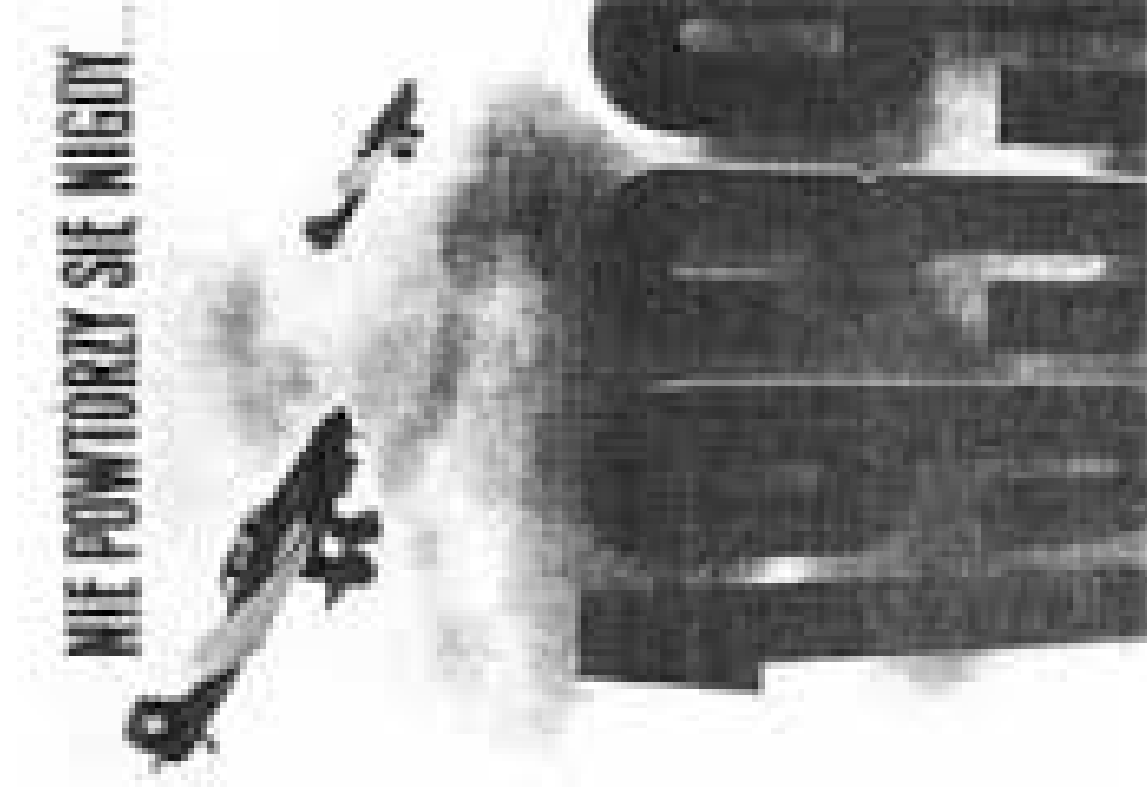
В. Закжевский «Партия. IV съезд Польской Объединенной Рабочей Партии»

«Будь бдителен по отношению к врагу народа»

Э. Липиньский «Уничтожим фашизм до конца», 1945 г.

Т. Трешковский «Не повторится никогда 1939»

Дворец науки и культуры в Варшаве

Эстетика власти в работе А. Ю. Дорского становится специальным предметом исследования. По мнению автора, именно в политической власти эстетика является особенно значимым параметром, который проявляется достаточно ярко. Особое значение А. Ю. Дорский придает фигуре властителя, посредством которого происходит символизация всего общества. Исследователь рассматривает генезис эстетической сущности политической власти и приводит собственную классификацию способов эстетической легитимации власти. Дорский подчеркивает, что современный период характеризуется противостоянием эстетики власти и эстетики публичности как видов политической эстетики [6].

Особого внимания в исследовании политической эстетики заслуживает работа Т. В. Юдиной «Германия. Новая политэстетика». В ней автор совмещает понятия политики и эстетики, применяя при анализе политики методы наук о культуре. Раскрывая свою концепцию, автор отходит от традиционных исторических примеров XX века и анализирует современную Германию периода канцлерства Ангелы Меркель (2005–2009 гг.) [22].

На основании обширной источниковедческой базы Т. В. Юдина приходит к выводу, что политика в первую очередь — это искусство. В своей работе автор анализирует проблемы политического символизма и символов, а также роль инсценировки и игры в политической жизни.

В России проблема политической эстетики приобретает новый масштаб, что свидетельствует о возрастающей актуальности исследовательской проблемы. Отдельного внимания заслуживает изучение феномена взаимосвязи политики и эстетики с определенными историческими событиями XX века, когда эстетика стала одним из критериев при политическом режиме. В частности, можно говорить о неравномерности в исследовании этой проблемы. Советско-российская и немецкая мысль развиваются параллельно, хотя исследования имеют национальную специфику. В немецкой — эстетика выходит на первое место, в отечественной на первом плане оказывается политика, потребности которой обслуживала эстетика. Польские исследования отстают от них: для них характерна узкотематическая направленность, определяемая сферой интересов исследователей. В посткомму-

нистической Польше значительно увеличивается количество работ, проблематика расширяется, но при сохранении критической оценки советской политики в области искусства.

Польша стала страной, где накладывались друг на друга два различных культурных пласта. Политическая эстетика в Польше формируется под сильным советским влиянием. Традиция использования социалистического реализма в СССР к моменту установления коммунистической власти в Польше уже сложилась, поэтому поляки переняли (хоть и ненадолго) и термин, и способ отражения реальности. С другой стороны, исторический контекст, общественная ситуация в Польше не позволили отказаться от исторической памяти и собственных культурных ориентаций. В Польше сохранялась значительная альтернатива марксистско-ленинской идеологии — религия. Именно это определяло специфический облик социалистической эпохи Польши. В итоге перенос установок одной культуры на другую успеха не имел.

Ключевыми примерами в исследовании взаимосвязи политики и эстетики традиционно остаются Германия, Советский Союз и Италия, причем для всех этих исследовательских традиций в целом характерно изучение собственного исторического опыта. Однако только в немецкой представлена концептуализация термина «политическая эстетика». Здесь выделены ключевые составляющие: «эстетизация политики» и «политизация эстетики», которые конкретизируются и дополняются с течением времени.

В отечественном и польском научном дискурсе долгое время близким к термину «политическая эстетика» был идеологизированный термин «социалистический реализм». Он применялся для обозначения метода в искусстве, то есть характеризовал состояние политизированной эстетики в этих странах. В России интерес к проблеме возрастает, что характеризуется появлением новых работ и возникновением термина «эстетика власти» (вновь частного случая политической эстетики) и употреблением термина «политэстетика». «Политическая эстетика» как термин не имеет универсального применения, что свидетельствует о мировоззренческих и методологических различиях между историографиями. Двойственность термина определяет междисциплинарный характер исследования, различные подходы с профессиональной точки зрения. Феномен политической эстетики в

разное время изучают политики, философы, искусствоведы, филологи и историки. Расширенная база авторов, кроме того, свидетельствует о новизне исследования и о широте вопроса. Появление коллективных работ с конца 1990-х годов означает включение исследователей в междисциплинарные контакты для получения информации из смежных областей. Термин «политическая эстетика» может служить инструментом при изучении использования эстетических параметров в политических целях вне связи с какой-либо конкретной идеологией. В качестве специальной государственной программы она имеет свои методы осуществления. В частности, в рамках социалистических стран таким методом стал социалистический реализм.

Анализ позволяет выявить развитие философско-эстетической и искусствоведческой мысли, ее непосредственную связь с господствующими мировоззренческими ориентирами в обществе, а также определить проблемы, требующие дальнейшего углубления исследования.

---

1. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. URL: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (дата обращения: 15.10.2012).

2. Воробьев И. С. Соцреализм как «третья эстетика» в художественной культуре СССР 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 12. Ч. 3. С. 45–48. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/9.html> (дата обращения: 30.10.2013).

3. Гюнтер Х. О красоте, которая не смогла спасти социализм (авторизованный перевод с нем. А. Маркова), 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/gu2.html> (дата обращения: 21.01.2014).

4. Декрет СНК от 12 апреля 1918 «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» («О памятниках республики»). URL: <http://ppt.ru/texts/index.phtml?id=18600&PrintVersion=1> (дата обращения: 16.02.2014).

5. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. 1997. URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/dobr/index.php (дата обращения: 20.01.2014)

6. Дорский А. Ю. Эстетика власти : автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. 2013. URL: <http://www.dslib.net/estetika/jestetika-vlasti.html> (дата обращения: 14.10.2014)

7. Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995.

8. Кохановский В., Яковлев В. История философии, 2001. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Kohan/index.php (дата обращения: 15.10.2014).

9. Куренная Н. М. О социалистическом реализме // Славяноведение, 1993. № 5. С. 4–7. URL: <http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/SovSlav/Slav-1993-5.pdf> (дата обращения: 21.01.2014).

10. Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. Ленин о монументальной пропаганде, 1933. URL: <http://leninism.su/memory/4163-vospominaniya-i-vpechatleniya.html?showall=&start=19> (дата обращения: 16.02.2014).

11. Медведева О. Р. Польские писатели: отношение к соцреализму // Славяноведение. 1993. № 5. URL: <http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/SovSlav/Slav-1993-5.pdf>.

12. Ободжа О. В. Формирование массовой социалистической культуры в Польше и Советский Союз: 1945–1955 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/formirovanie-massovoj-socialisticheskoy-kultury-v-polshe-i-sovetskij-sojuz-1945.html#2194181>

13. Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб. : Издательство Европейского университета, 2007.

14. Ревякина А. А. О социалистическом реализме // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв. : сборник статей в память об Александре Ивановиче Ревякине (1900–1983). М. : Intrada, 2003. С. 508– 527. URL: <http://kostromka.ru/revyakin/literature/5.php> (дата обращения: 14.11.2012).

15. Россол Н. Представляя нацию: спорт, зрелища и эстетика в Германии (1926–1936) : пер. с англ. А. Горбуновой / под ред. А. Скидана. М., 2012. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/r30.html> (дата обращения: 20.09.2014).

16. Соцреалистический канон : сборник статей / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. М. : Гуманитарное Агентство «Академический Проект», 2000.

17. Стрельбицкая М. Новая Гута // Советская архитектура. 2006. URL: <http://www.sovarch.ru/243/> (дата обращения: 02.02.2014).

18. Толстой В. Архитектура // Всеобщая история искусств. Т. 6. Книга вторая. Искусство 20 века / под общ. ред. Б. В. Веймарна и Ю. Д. Колпинского. М. : Искусство, 1966. URL: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000029/st011.shtml> (дата обращения: 25.11.2013).

19. Фарбштейн А. А. Об эстетическом богатстве социалистического искусства // Современное искусство социалистических стран. Проблемы творческих взаимосвязей. М. : Наука. 1981. С. 22–47.

20. Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. М. : Республика, 1999. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Halip/index.php (дата обращения: 14.10.2014).

21. Хорев В. А. Теория и практика соцреализма и польская литература // Славяноведение. 1993. № 5. С. 32–36. URL: <http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/SovSlav/Slav-1993-5.pdf> (дата обращения: 21.01.2014).

22. Юдина Т. В. Германия. Новая политэстетика. М. : РОССПЭН, 2010.

23. Bohrer K. H. Ästhetik und Politik // Merkur, Nr. 751, Dezember 2011.

24. Braungart W. Ästhetik der Politik, Ästhetik des Politischen. Ein Versuch in Thesen. 2012- Lieferbar.

25. Dzień Kobiet — komunistyczne święto? 2011. URL: http://wiadomosci.onet.pl/waszymzdaniem/60414,dzien_kobiet_-_komunistyczne_swieto,artykul.html (дата обращения: 10.11.2012).

26. Jeszcze 23 lata temu chodziliśmy na komunistyczne manifestacje, 2012. URL: <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Jeszcze-23-lata-temu-chodziliśmy-na-komunistyczne-manifestacje-2599254.html> (дата обращения: 10.11.2012).

27. Kielar A. Ann Applebaum: PKiN to symbol stalinizmu, 2013. URL: <http://www.politykawarszawska.pl/a/254> (дата обращения: 17.09.2014).

28. Kulig-Janarek K. Socrealizm. Grafika polska z lat 1949–1954. 2013. URL: <http://www.poland-art.com/index.php/wystawy/krakow/muzeum-narodowe-krakow/3029-socrealizm-grafika-polska-z-lat-1949-1954> (дата обращения: 21.01.2014).

29. Lempp E. Kontrowersyjny podarunek Stalina, 2012. URL: <http://www.rp.pl/artykul/55362,869047-Budowa-Palacu-Kultury-i-Nauki-ruszyla-60-lat-temu.html?p=1> (дата обращения: 6.01.2014).

30. Makow H. Dzień Kobiet: Stara, dobra komunistyczna propaganda, 2012. URL: <http://radtrap.wordpress.com/2012/03/08/dzien-kobiet-stara-dobra-komunistyczna-propaganda/> (дата обращения: 10.11.2012).

31. Majewski J. S. Architektura lat dziewięćdziesiątych w Polsce, 2004. URL: <http://culture.pl/pl/artykul/architektura-lat-dziewiecdziesiatych-w-polsce> (дата обращения: 01.03.2013).

32. Nawrocki K. «Imieniny» i «urodziny» systemu komunistycznego w Polsce, 2008. URL: <http://histmag.org/Imieniny-i-urodziny-systemu-komunistycznego-w-Polsce-1696> (дата обращения: 2.04.2014).

33. Oseka P. Rytuały stalinizmu. Oficjalne święta i uroczystości rocznikowe w Polsce 1944–1956. Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2007.

34. Schober A. Ästhetik des politishen. 2003. URL: <http://www.kakanien.ac.at/mat/ASchober1.pdf> (дата обращения: 25.10.2014).

35. Wrona G. Język plakatu politycznego jako język władzy. Główne motywy na polskim plakacie propagandowym w latach 1945–1956. Kraków: Uniwersytet pedagogiczny, 2010.

И. В. Макарова

Выразительные возможности материалов и изделий декоративно-прикладного искусства народа коми

УДК 7.031.4

Статья посвящена художественному своеобразию произведений декоративно-прикладного искусства народа коми. Произведения народного искусства создавались из различных материалов: древесины, кости, льна, шерсти, глины, замши и кожи. Художественное оформление конкретного изделия зависело не только от его утилитарной функции, народного эстетического идеала, но и от особенностей использованного материала, характера его обработки. Автор анализирует архитектурный декор жилищ народа коми и способы его создания, рассматривает способы худо-